

Роман Ходькин
партнер юридической фирмы
Berwin Leighton Paisner (BLP)

Итоги 2013 года

По традиции в последнем номере уходящего года принято подводить итоги. Что же изменилось в арбитраже за этот период?

Тринадцатый год многие встречали с опаской, выражение «чертова дюжина» прочно ассоциируется в умах соотечественников с чем-то дьявольским. Следует заметить, что английский эквивалент baker's dozen («дюжина булочника») не несет в себе никакой негативной окраски, ибо исторически булочник просто давал тринадцатую булочку в подарок, когда кто-то покупал дюжину. Хочется верить, что и 2013 г. принес в сферу третейского разбирательства только позитив.

Если размышлять о международном арбитраже в целом, то, пожалуй, самым значимым событием года стало принятие 25 мая 2013 г. свода правил «О представительстве сторон в международном арбитраже» (IBA Guidelines on Party Representation in International Arbitration)¹. По сути, был заложен фундамент для новых стандартов поведения представителей в рамках третейского процесса. Надеюсь, это позволит арбитражу оставаться самым эффективным способом разрешения международных споров.

Интересным поводом для дискуссий в Англии стало решение Верховного суда по делу *Ust-Kamenogorsk v. AES* [2013] UKSC 35, связанному с постсоветским пространством. На первый взгляд дело казалось стандартным и касалось принятия антиисковых обеспечительных мер в поддержку арбитража. Только с участием российских компаний за последние годы было рассмотрено несколько таких дел. В действительности же оказалось, что в *Ust-Kamenogorsk v. AES* были поставлены весьма интересные вопросы, которые раньше не являлись предметом пристального изучения.

Например, был рассмотрен вопрос о дерогационном эффекте арбитражной оговорки. При идущем арбитражном разбирательстве английские суды довольно спокойно запрещают стороне судиться в иностранном суде

с целью воспрепятствовать разбирательству в арбитраже. Однако при рассмотрении этого дела идущего арбитражного процесса не было. Более того, ни одна из сторон не собиралась его возбуждать: *Ust-Kamenogorsk* намеревалась судиться в Казахстане, а *AES* вообще не хотела ни с кем воевать. Возник вопрос: будет ли в таком случае арбитражная оговорка иметь дерогационный эффект, т.е. исключать юрисдикцию всех иных судов? Казахская сторона заявляла, что, согласно ст. 44 Закона об арбитраже 1996 г. (*Arbitration Act 1996*), суд вправе вынести решение об антиисковых мерах только при идущем или готовящемся арбитражном процессе, а общая норма — ст. 37 Закона о высших судах 1981 г. (*Senior Courts Act 1981*) — не подлежит применению, поскольку Закон об арбитраже содержит исчерпывающее регулирование, исключая применение общих норм процессуального законодательства.

Все арбитражники Лондона следили за ходом слушания (благо, его транслировали в прямом эфире), где шло обсуждение принятия Закона об арбитраже и его соотношения с другими законами. Слушание стало звездным часом для королевского адвоката Тоби Ландау, который волею судьбы играл решающую роль при написании арбитражного закона и знал его истоки, как никто другой. Английский суд остался верен своему дружественному подходу к арбитражу: лорды признают дерогационный эффект арбитражной оговорки и запрещают вести параллельные процессы. Такова еще одна победа международного арбитража.

Какое же из отечественных событий стало самым ярким в уходящем году? По резонансу в юридической сфере событием уходящего года, безусловно, можно назвать слияние Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, однако подводить какие-либо итоги явно рано: слияние пока не окончено, не говоря уже о возможности оценки его последствий.

Прошедший год также ознаменован многочисленными попытками изменить российское законодательство об арбитраже. Однако и это как-то не дотягивает до события года, а скорее, похоже на басню Крылова про лебедя, рака и щуку, где каждый тянет

в свою сторону и пытается достичь сиюминутных целей, совершенно не стремясь разобраться в истинных проблемах третейского разбирательства и выработать всеобъемлющую концепцию. Несмотря на громкие заявления большинства рабочих групп о необходимости унификации законодательства о международном арбитраже и третейских судах, никто так и не провел сравнение двух законов и не составил детальный список несоответствий или, по крайней мере, не предложил унифицировать режим конфиденциальности в данных законах².

Самым заметным событием постсоветского арбитража мне показалась отмена решения по инвестиционному спору *RosInvestCo* против Российской Федерации. Можно по-разному относиться к этому событию. Мне же оно представляется знаменательным по нескольким причинам. Во-первых, это первый случай отмены арбитражного решения против России. За последние десятилетия против нашей страны было подано семь исков в порядке инвестиционного арбитража, не считая решений коммерческих арбитражей, например по делу *НоГа*. В ходе разбирательства России удалось выиграть пока только дело *Berschader v. Russian Federation*. Уже вынесенные против нее несколько решений, несмотря на оспаривание со стороны государства, всегда оставались в силе. Теперь же есть первая победа. Во-вторых, эта отмена импонирует мне не только потому, что она первая, но и потому, что представляет собой результат цивилизованного метода работы по инвестиционному спору. До сих пор все решения инвестиционных арбитражей просто не исполнялись. Теперь, наконец, началась работа в правовом поле. В-третьих, это решение имеет международный резонанс, поскольку касается возможности применения к арбитражным оговоркам условия о наиболее благоприятствуемой нации. Принятое решение неизбежно породит волну новых исследований о компетенции инвестиционных арбитражей и даст толчок к развитию науки о нем. **■**

¹ Подробнее см.: Ходькин Р. Представитель в международном арбитраже: «что такое хорошо и что такое плохо?» // *Legal Insight*. 2013. № 7 (23). С. 64.

² Подробнее см.: Ходькин Р. Конфиденциальность и международный арбитраж // *Legal Insight*. 2013. № 4 (20). С. 64.